

славянские письмены священны, что «*стѣ бо моужѣ творилъ я естъ, а греческа еллини погани*».

В заключение — четвертый шаг. Храбр указывает точную дату создания славянской письменности при невозможности указания таковой для греческой. Тем самым Храбр пытается сделать время создания славянской азбуки точкой отсчета, началом, онтологически исходным «первым деянием», что несомненно воспринималось как притязание на принадлежность сфере мифологического, сфере сакрального (ср. с точными датами «первых деяний» — сотворение мира, рождение Христа, даты эсхатологических ожиданий и др.).

Таким образом, анализ содержания «О писменехъ» в контексте средневековой модели мира позволил глубже взглянуть на характер приводимых Храбром аргументов в защиту славянской письменности, вскрыть их семиотическую и отчасти культурно-историческую подоплеку.

¹ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы.— М., 1977, с. 92.

² См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры.— М., 1972. Ср. аналогичное восприятие времени античностью: Лосев А. Ф. Критические замечания к диалогу «Тимей».— В кн.: Платон. Сочинения.— М., 1971, т. 3, ч. 1, с. 660.

³ Гуревич А. Я. Указ. соч., с. 127.

⁴ Все цитаты из «О писменехъ» даются по Соловецкому списку № 913 (XVII век) по изданию памятника К. М. Куевым: Куев К. М. Черноризец Храбр.— София, 1967, с. 326—328. Выбор позднего списка обусловлен техническими трудностями. В связи с ним же «юс малый» заменен «Я».

⁵ Аверинцев С. С. Указ. соч., с. 89.

⁶ Первым на идею развития у Храбра обратил внимание И. Дуйчев в кн.: Дуйчев И. Из старата българска книжнина.— София, 1943, ч. 1, с. 209. См. также: Велчев В. Към идейно-творческата проблематика на «Сказание о писменехъ» от черноризец Храбр.— Известия на Института за литература.— София, 1961, кн. XI, с. 5—30.

⁷ Сопоставление текстов см.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке: Исследования по русскому языку.— СПб., 1895, т. 1, с. 313; Куев К. М. Указ. соч., с. 68—70.

⁸ См.: Сказания о начале славянской письменности / Комментарии Флора Б. Н.— М., 1981, с. 134—138; Георгиев Е. Разцветът на българската литература в IX—X век.— София, 1962, с. 211—215.

⁹ Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект.— Ученые записки Тартуского государственного университета, 1978, вып. 442, с. 95.

¹⁰ Ягич И. В. Указ. соч., с. 318.

¹¹ Супрун А. Е. Славянские числительные.— Минск, 1969, с. 19.

¹² Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах.— В сб.: Структура текста. М., 1980, с. 18—19.

¹³ См.: Бодянский О. М. О времени происхождения славянских письмен.— М., 1855, с. LV—LVII; Куев К. М. Указ. соч., с. 172.

¹⁴ Бодянский О. М. Указ. соч., с. LVI.

О. Н. БЕЛЯЕВСКАЯ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМОТИВИРОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ С ОБЩИМ КОРНЕМ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное языкознание открывает новые возможности для исследования близкородственных языков. Общеизвестно, что вследствие генетического родства исследуемых языков сходство сопоставляемых языковых фактов преобладает над различиями. Применение метода, направленного на выявление имеющих различий, фоном для которых служит общее¹, позволяет установить соотношение тождественного и нетождественного на разных уровнях сопоставляемых языковых систем, что в свою очередь способствует постижению тех закономерностей, которые обуславливают самостоятельное существование и развитие близкородственных языков. Особое значение при подобном исследовании приобретает учет различительных признаков, позволяющих с неодинаковой степенью абстрагирования производить регистрацию и систематизацию фактического материала.

1. При исследовании такой распространенной части речи, как глагол, в русском и белорусском языках выявляется общий фонд немотивированных слов, характеризующихся полным или частичным совпадением по фонемному составу² и по выражаемому лексическим значением³: **веять — веяць, будить — будзіць, бурлить — бурліць, думать — думаць, колыхать — калыхаць** и др.

Наблюдения показывают, что при анализе морфемной структуры рассматриваемых глаголов нельзя опираться на какой-либо один признак (например, тождество формального выражения). С одной стороны, глаголы, совпадающие по форме, в русском и белорусском языках могут иметь как одинаковый, так и неодинаковый морфемный состав, например: **жмур-и-ть — жмур-ы-ць, лиз-а-ть — ліз-а-ць** и др.; **сказ-а-ть — с-каз-а-ць** (ср. бел. **каз-а-ць**), **вихл-я-ть — вiх-л-я-ць** (ср. бел. **вiх-а-ць-ца, вiх-л-я-ць-ца**). С другой стороны, эквивалентными по значению в русском и белорусском языках могут быть глаголы, объединяемые в структурном отношении только общностью корня. Различия в их структуре обусловлены несовпадением классовых показателей, оформляющих основу инфинитива: **спеш-и-ть — спяш-а-ць (спяш-а-ць-ца), соп-е-ть — сап-ці** и др. У глаголов же со связанными корнями переменными частями могут быть не только тематические элементы, но и приставки: **агит-ирова-ть — агiт-ава-ць, из-верг-а-ть — вы-вярг-а-ць** и др.

Рассмотрим структуру немотивированных глаголов в русском и белорусском языках, учитывая два различительных признака: 1) при наблюдаемом тождестве формального выражения — тождество морфемного состава; 2) при нетождественности формального выражения — общность корня. Характерно, что каждый из названных признаков в различной степени проявляется в пределах двух групп немотивированных глаголов: 1) со свободными корнями; 2) со связанными корнями.

Первую группу, по данным «Белорусско-русского словаря»⁴, составляют 580 лексем. В большинстве случаев основа инфинитива рассматриваемых глаголов содержит корень (К) и тематический сегмент (С). Глаголы, не содержащие в составе основы тематического сегментов, относятся к непродуктивным словоизменительным группам. Основы их оканчиваются на согласный: **лез-ть — лез-ці, пряс-ть — прас-ці** и др. При анализе морфемной структуры названных лексем выявляются следующие особенности: а) основы глаголов с суффиксами *-ти* (русск.) и *-ці* (бел.) различаются ударением: **вез-ти — вез-ці, нес-ти — нес-ці** и др. (за исключением **брес-ти — брыс-ці, ид-ти — іс-ці, полз-ти — паўз-ці, цвести — цвіс-ці**); б) глаголы на *-чь* в русском языке признаются нечленимыми⁵, в белорусском языке глаголы с суффиксом *-чы*, как правило, членимы: **беречь — бераг-чы, мочь — маг-чы** и др. В эту же подгруппу входят односложные глаголы с исходом основы на гласный звук: **бы-ть — бы-ць, да-ть — да-ць** и др.⁶ Они максимально близки по фонемному составу. О регулярности глаголов, имеющих в сопоставляемых языках структуру инфинитивной основы $K=C$, свидетельствуют следующие данные: в «Белорусско-русском словаре» насчитываются 33 соотносительные лексемы с исходом основы на согласный звук и 41 — с исходом основы на гласный.

Очень высока регулярность глаголов, имеющих структуру основы инфинитива $K+C=K+C$. Они не только эквивалентны по звучанию и значению, но и тождественны по морфемной структуре. Основы их содержат тематические сегменты *-а(-я-)* в русск. и бел.: **бурч-а-ть — бурч-а-ць, вил-я-ть — вiл-я-ць** и др. (186 пар, из них 119 — глаголы продуктивного класса); русск. *-и-*, бел. *-і(-ы-)*: **леп-и-ть — ляп-і-ць, леч-и-ть — ляч-ы-ць** и др. (144 пары — глаголы продуктивного класса); русск. *-ова(-ева-)*, бел. *-ава(-ява-)*: **бунт-ова-ть — бунт-ава-ць, во-ева-ть — ва-ява-ць** и др. (70 пар — глаголы продуктивного класса); *-ну-* в русск. и бел.: **мерк-ну-ть — мерк-ну-ць, ник-ну-ть — нік-ну-ць** и др. (30 пар, из них 6 — глаголы продуктивного класса); русск. *-е-*, бел. *-е(-э-)*: **гор-е-ть — гар-э-ць, гуд-е-ть — гудз-е-ць** и др. (25 пар, из них

б — глаголы продуктивного класса); -о- в русск. и бел.: **кол-о-ть — кал-о-ць, мол-о-ть — мал-о-ць** и др. (5 пар — глаголы непродуктивного класса).

Лексемы, различающиеся морфемным составом в русском и белорусском языках, в группе глаголов со свободными корнями обнаруживают невысокую регулярность. Часть из них (22 пары) объединяет в русском и белорусском языках только общность корня. Сопоставляемые глаголы этой подгруппы имеют структуру инфинитивной основы $K+C \neq K+C$, где $K=K$, $C \neq C$, поскольку различаются тематические элементы, оформляющие основы рассматриваемых лексем: **кряхт-е-ть — крахт-а-ць, мина-ть — мін-а-ць** и др. Тематический элемент может быть вообще не представлен в одном из сопоставляемых глаголов, вследствие чего основа этого глагола оканчивается на согласный звук: **храп-е-ть — храп-ці, тер-е-ть — цер-ці** и др. Это явление характерно только для соотносительных лексем белорусского языка. В целом же специфика рассмотренных пар заключается не только в оформлении инфинитивных основ с помощью неодинаковых классовых показателей, но и как следствие этого — в различном словоизменении глаголов, имеющих основы подобного типа в сопоставляемых языках.

Для подгруппы глаголов, имеющих структуру основы инфинитива $K+C \neq K+C$, где $K \neq K$, $C=C$ (12 пар), характерны неодинаковые связи с родственными словами, что обуславливает различие в морфемном составе русских и белорусских лексем, хотя по форме они совпадают. Так, один из сопоставляемых глаголов этой подгруппы может быть немотивированным, например: русск. **оборон-и-ть** (не соотносится по значению с глаголом **борон-и-ть**), русск. **притул-и-ть** (нет глагола **тул-и-ть**) и др., второй — мотивированным при наличии соответствующего мотивирующего слова и аналогично образованных родственных слов: **а-баран-і-ць** (ср. бел. **баран-і-ць, у-баран-і-ць**), **пры-тул-і-ць** (ср. бел. **тул-і-ць, за-тул-і-ць, у-тул-і-ць**) и др. Основа одной из сопоставляемых лексем может быть связанной, поскольку в языке функционируют родственные приставочные глаголы: русск. **по-прек-а-ть** (ср. **у-прек-а-ть**), бел. **па-кар-ы-ць** (ср. **с-кар-ы-ць**) и др., соотносительные лексемы в таких случаях имеют неприводимую основу: бел. **папрак-а-ць**, русск. **покор-и-ть** и др. Отмеченные явления в целом характерны для белорусского языка. Сохраняя связи с родственными глаголами, отдельные лексемы в белорусском языке медленнее подвергаются процессу опрощения, чем в русском.

Эта особенность, вероятно, характерна и для подгруппы глаголов, имеющих структуру основы инфинитива $K+C \neq K+C$, где $K \neq K$, $C \neq C$ (12 пар). По данным специальных словарей русского и белорусского языков, те связи с родственными словами, которые в русском языке признаны этимологическими, в отдельных лексемах белорусского языка все еще ощущаются как живые (ср., например, морфемное членение пар **окун-а-ть — а-ку-н-а-ць, вял-и-ть — вя-л-і-ць** и др.⁷). В основах сопоставляемых глаголов белорусского языка, помимо корней и тематических элементов, выделяются по соотношению с родственными словами особые морфемобразные сегменты, лишённые самостоятельных словообразовательных функций: **велич-а-ть — вел-іч-а-ць** (ср. бел. **вел-ізарн-ы, вел-іч**), **колошмат-и-ть — калашм-ац-і-ць** (ср. бел. **калашм-ан, калашм-ат-ы**) и др.

Исследование морфемной структуры немотивированных глаголов со свободными корнями в русском и белорусском языках приводит к заключению, что наиболее существенный признак в этой группе — **тождество морфемного состава** анализируемых лексем. Глаголы, совпадающие по форме, но нетождественные по морфемному составу, обнаруживают в исследуемых языках невысокую регулярность. Признак **общности корня** при нетождественности формального выражения соотносительных лексем позволяет отграничить небольшую группу эквивалентных по значению русских и белорусских глаголов.

Иначе представлена в исследуемых языках классификация глаголов, имеющих связанные корни. С помощью морфемного анализа выявлены три типа связанных основ: а) представленные сочетанием приставки и корня (**об-у-ть** — **аб-у-ць**, **о-де-ть** — **а-дзе-ць** и др.); б) в иноязычных словах — сочетанием корня и тематического элемента (**абон-ирова-ть** — **абан-ірава-ць**, **электр-изова-ть** — **электр-ызава-ць** и др.), в) сочетанием приставки, корня и тематического элемента (**от-ключ-а-ть** — **ад-ключ-а-ць**, **с-верг-а-ть** — **з-вярг-а-ць** и др.).

Из 141 лексемы, имеющей структуру инфинитивной основы типа а) и в), 28 глаголов различаются в русском и белорусском языках приставками или тематическими элементами: **из-рек-а-ть** — **вы-рак-а-ць**, **о-пер-е-ть** — **а-пер-ці** и др., 113 — тождественны по морфемному составу; из 419 слов, имеющих структуру основы инфинитива типа б), 236 содержат неодинаковые тематические элементы: **консульт-ирова-ть** — **кансульт-ава-ць**, **мод-ифицирова-ть** — **мад-ыфікава-ць** и др., 183 глагола имеют одинаковый морфемный состав. Эти данные свидетельствуют о том, что в группе сопоставляемых глаголов со связанными корнями существенно оба признака, поскольку регулярны лексемы: 1) характеризующиеся **тождеством морфемного состава**; 2) объединяемые в исследуемых языках по признаку **общности корня**.

В результате анализа морфемной структуры немотивированных глаголов, представленных в «Белорусско-русском словаре», установлено, что 1106 словарных единиц имеют общие корни в сопоставляемых языках, из них 830 соотносительных лексем тождественны по морфемному составу. Для определения степени общности русской и белорусской глагольной лексики, обладающей потенцией образования новых слов (практически это свойственно любому немотивированному глаголу), сравним полученные данные с имеющимися сведениями о количественном составе немотивированных глаголов в русском языке. Так, в «Гнездовом словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова (машинопись) зафиксировано общее количество немотивированных глаголов — исходных слов словообразовательных гнезд (2141 лексема)⁸. Русско-белорусские эквиваленты с общими корнями составляют 52 % от этого числа, а лексемы, тождественные по морфемному составу, — 39 %.

2. Семантика сопоставляемых лексем характеризуется следующими особенностями: 1) глаголы, имеющие не более двух значений, как правило, равнозначны в русском и белорусском языках: **будоражить** — 'приводить в беспорядок, волновать, возбуждать', **будоражыць** — 'узрушваць, непакоіць, узбуджаць'; **линять** — '1. теряя свою окраску, выцветать (перен.— утрачивать своеобразие, яркость, живость чего-либо), 2. сбрасывать или менять в известные периоды наружный покров (шерсть, перья, панцирь и т. п.— о животных, птицах)', **ліняць** — '1. траціць сваю першапачатковую афарбоўку, выцвітаць (перан.— страчваць сілу, выразнасць, яркасць; блякнуць), 2. скідваць ці мяняць у пэўныя перыяды свае верхняе покрыва (пра жывел, птушак)⁹; 2) глаголы с разветвленной семантической структурой, имеющие общие стержневые значения в русском и белорусском языках, в ряде случаев отличаются их оттенками. Они способны также приобретать в исследуемых языках собственные значения. Например, у глагола **браць** (бел.) зафиксировано 21 значение, а у соответствующего ему эквивалента в русском языке — 8 значений, причем только два из них совпадают. Напротив, лексема **резать** (русс.) имеет 13 значений, а **резаць** (бел.) — 7 значений, 6 из них совпадают.

В число сопоставляемых лексем не входят глаголы, которые классифицируются как межъязыковые омонимы: **бурить** — **бурыць**, **рушить** — **рушыць** и др.¹⁰.

¹ См.: Реформатский А. О сопоставительном методе.— Русский язык в национальной школе, 1962, № 5, с. 24; Сопоставительное исследование русского и украинского языков.— Киев, 1975, с. 51.

² Различия обусловлены особенностями фонетики сопоставляемых языков, что находит отражение в орфоэпии и орфографии.

³ Семантическая структура анализируемых слов может быть как тождественной, так и частично различающейся.

⁴ См.: Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы.— М., 1962. В дальнейшем используются статистические данные из этого источника.

⁵ См.: Потиха З. А. Строение русского слова.— М., 1961, с. 303—304.

⁶ При анализе морфемной структуры подобных лексем мы придерживаемся традиционной точки зрения, рассматривая основу инфинитива как корневую без наличия классовых показателей. Косвенным доказательством нечленности основы односложных глаголов с исходом на гласный звук служит высокая регулярность различного рода парашений в словообразовательных гнездах, где эти слова являются исходными. См. иную трактовку данного вопроса в работе: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемка (проблемы и принципы описания).— М., 1977, с. 63—74.

⁷ См.: Бардович А. М., Шакун Л. М. Морфемны слоўнік беларускай мовы.— Мінск, 1975, с. 59, 110; Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка.— М., 1978, с. 61, 329; Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка.— М., 1971, с. 81, 307.

⁸ См.: Низаметдинова И. Морфемный состав инфинитива русского глагола.— Уч. зап. Ташкентского пединститута им. Низами, 1975, т. 143, с. 424.

⁹ См.: Словарь современного русского литературного языка в 17 томах — М.-Л., 1948—1965; Тлумачальны слоўнік беларускай мовы ў чатырох тамах.— Мінск, 1977—1980.

¹⁰ См.: Грабчиков С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря.— Минск, 1980, с. 25, 138.

В. А. САНИКОВИЧ

БЕЛОРУССКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СИСТЕМУ КОНСОНАНТИЗМА ОСТРОВНОГО РУССКОГО ГОВОРА

При исследовании островного русского говора, находящегося в близкородственном белорусском языковом окружении, наибольший интерес для определения степени проницаемости фонетической системы говора представляет реализация в системе консонантизма согласных (*z*), (*p*), (*ч*).

Деревня Трояновка, говор русского населения которой является объектом данной статьи, расположена на северо-востоке Минской области в Борисовском районе. Наиболее яркой чертой консонантизма, отличающей указанный русский говор от говора соседей-белорусов, является взрывное образование звонкого заднеязычного (*z*). Эта черта позволяет не только резко отграничить данный русский говор от соседних белорусских, но и дифференцировать носителей двух восточнославянских языков в пределах одной деревни. Это резкое различие становится очевидным при первом же знакомстве с речью обитателей Трояновки. Данная языковая особенность обнаруживает большую устойчивость. Она проявляется в речи представителей всех поколений: старшего, среднего и младшего. Так, носители традиционного русского говора Трояновки произносят: [у газэ́т'ь, газ'н'йч'ьчка, угáр, гарóт, г'ялава́, го́р'ьт, мнóг'ь, г'йб'ял, но́г'и, гул'áнк'и, гус'ей, гр'ас', гр'ьмат'ей, гр'ех] и т. п.

Как известно, взрывной характер образования заднеязычной фонемы (*z*) свойствен литературному русскому языку, а также севернорусскому наречию и значительной части среднерусских говоров, в отличие от говоров южного наречия, имеющих заднеязычную фонему фрикативного образования (*γ*)¹. Для западных среднерусских говоров изоглосса (*z*) взрывного образования, оглушаемого в (*κ*), считается основной при установлении их южной границы².

Говору русских жителей Трояновки известен и (*γ*) фрикативный, который звучит в словах церковно-религиозного характера, междометиях. Трояновцы произносят: [бóуу, бау́аты, блау́слав'ен'на, у́бспáд'и, у́спóт'], а также [ау́а], оу́б, уу́]. Но эти факты не изменяют систему говора, поскольку произношение (*γ*) встречается лишь в лексически ограниченном кругу случаев³. Фрикативный (*γ*) звучит также в отдельных словах иноязычного происхождения, появившихся в послеоктябрьскую эпоху, например: [γ'ектáр]; скорее всего в период Великой Отечественной войны